

КАМЧАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВИТУСА БЕРИНГА

63.3(2)
4-39

*Сборник материалов VI ежегодной
научно-теоретической конференции
“Человек в истории”*

КАМЧАТСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

5-6 декабря 2006 г.

ВЫПУСК

5

Петропавловск-Камчатский 2007

63.3(2)
4-39

К

КАМЧАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВИТУСА БЕРИНГА

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

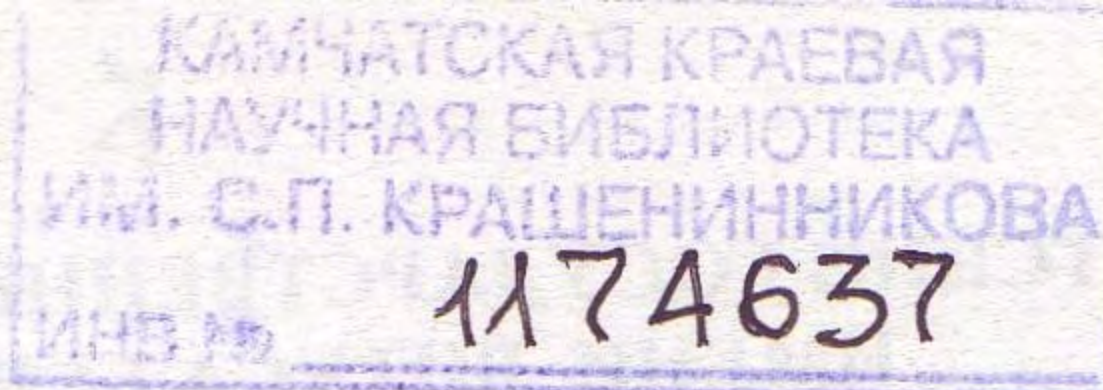
*Сборник материалов VI ежегодной
научно-теоретической конференции
5 -6 декабря 2006 года*

**КАМЧАТСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК 5

Петропавловск-Камчатский 2007

63.3(2Р-4Камч)
К18

Камчатские экспедиции в исторической ретроспективе. Сборник материалов VI ежегодной научно-теоретической конференции "Человек в истории" 5-6 декабря 2006 года. \ под. ред. А.В. Пташинского. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ. – 2007. - 127 с.

Издание подготовлено на кафедре отечественной истории Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга

ISBN 57968-0276-3

© Издательство Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, 2007.

ОТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ДО ОХОТСКА
(ИЗ ЖУРНАЛА А.И. ЧИРИКОВА)

Отправляясь в экспедицию, Беринг получил инструкцию от Адмиралтейств-коллегии, в которой говорилось: «по отправлении из Санкт-Петербурха до назначенного места и по прибытии туда и что у вас будет во исправлении оной экспедиции чиниться, иметь вам журнал и в адмиралтейскую коллегию присылать рапорты ежемесячно.¹

Обязанность за ведение журнала была возложена на гардемарина П.А. Чаплина и лейтенанта А.И. Чирикова. Однако Чириков помимо экспедиционного журнала вел свой собственный, в который он делал более подробные записи.

Принято считать, что Чириков вел свой журнал в течении небольшого периода. В действительности же журнал содержит записи, сделанные с 23 апреля 1725 г. до 28 февраля 1730 г. Журнал Чирикова после того, как его рассмотрела Адмиралтейств-коллегия, был переслан в Сенат, а затем для хранения возвращен в коллегию.²

Итак, 24 января 1725 г. обоз из 25 саней двинулся в далекий путь.

Это был основной отряд экспедиции: 27 человек во главе с Чириковым и все экспедиционные грузы. Беринг, Шпанберг, два штурмана и три матроса остались в столице.

Через несколько дней после выхода первого отряда скончался Петр I, но это не угрожало экспедиции – последняя воля царя была законом.

Чтобы известить об экспедиции сибирского губернатора и обязать его оказывать ей помощь, 30 января в Сибирь был отправлен указ императрицы. Однако он имел слишком общий характер. Поэтому по просьбе Беринга через два дня был отправлен второй указ, с перечислением всех видов помощи. В частности, губернатору надлежало выделить солдат для несения караула, плотников и кузнецов, а также различные материалы для постройки судов, «денежное и хлебное жалование на 1726 г.

¹ Кушнарев Е.Г. В поисках пролива. Л., Гидрометеиздат, 1976. с.22.

² В указе Сената говорилось: «Присланные в Сенат журналы капитан-командора Беринга и бывшего при нем поручика Чирикова отослать в оную коллегию»/ЦГАДА, ф. 248, д. 664.// Кушнарев Е.Г. В поисках пролива. Л., Гидрометеиздат, 1976. с. 130.

6 февраля, погрузив личный багаж на 8 саней, Беринг с тремя иностранцами на русской службе и с тремя матросами отправился догонять отряд Чирикова.

Чириков 7 февраля прибыл в Вологду. Через неделю появился Беринг, а через два дня все вместе двинулись дальше.

Прошли Великий Устюг, Сольвычегодск, Соликамск, Верхотурье, Туринск, Тюмень и, пройдя 2659 верст, прибыли в главный город тогдашней Сибири — Тобольск. Чаплин в экспедиционном журнале отметил, что город находится на $58^{\circ}05'$ с.ш., на крутой высокой горе над рекой Иртыш. Ширина реки 300 саженей.

Беринг сразу же вручил губернатору все указы и полный список членов экспедиции с перечнем их окладов. Через два дня посоветовавшись с офицерами, сочинил и подал в губернскую канцелярию «доношение», содержащее различные требования. Особенно настоятельно он просил дать 24 солдата и двух пушкарей, «которым быть на море... понеже морских служителей со мною малое число, которыми на двух ботах на море не управитца»¹. Также просил 60 плотников, 7 кузнецов, 2 бочаров, токаря и печника с инструментами. Морского провианта на 60 человек на год, всего около 2 тысяч пудов². Сухопутного — на всех на 2 года. (Беринг надеялся, что экспедиция продлится 3 года). При этом он подчеркивал, что «во оных местах кроме рыбы никакого провианта не имеетца и огородных овощей никаких не садят». Испрашивались также различные необходимые материалы. Здесь он придерживался правила: не брать с собой ничего, что можно взять ближе к Камчатке.

Губернатор Долгоруков обещал всяческое содействие. Но тут же предупредил Апраксина о предстоящих трудностях и высказал сомнение в успехе экспедиции: «Того ради мною не втуне ль может возвратиться...»³

Моряки сначала собирались использовать зимнюю дорогу, но вскоре решили плыть по рекам. На это требовалось и меньше денег, чем на прогоны, а начальник экспедиции думал об экономии средств.

Беринга тяготили хозяйственные дела, поэтому он потребовал выделить человека, который являлся бы представителем губернатора при экспедиции и мог дать отчет о приходе и расходе.

В Тобольске находились два солдата, которые участвовали в

¹ ЦГАВМФ, ф.216, оп. 1, д. 87. л.27, 28./ Кушнарев Е.Г. В поисках пролива. Л., Гидрометеиздат, 1976. с. 23.

² ЦГАВМФ, ф.233, оп. 1, д. 235.л. 211./ Там же, с. 23.

³ ЦГАВМФ, ф.233, оп. 1, д. 235.л.207./ Там же, с. 23.

экспедиции Евреинова и Лужина, Беринг попросил губернатора включить их в экспедицию. На всем пути через Сибирь, Беринг разыскивал людей бывавших на Камчатке, встречался с ними, расспрашивал. Многие рассказы хранятся в архивах в виде сказок.

Первым рассказчиком был встреченный в Тобольске поручик Сафонов, возвращавшийся с Камчатки. Он сообщил в частности, что жители Камчатки не всегда миролюбивы к русским, и что лес для кораблей в Нижнекамчатск возят за 200 верст. Беринг потребовал выделить дополнительно еще 30 солдат и дать больше работных людей, т.к. лошадей на Камчатке нет и придется доставлять лес на себе.

Лишь 29 апреля Тобольская контора известила, что выделяет работников и кормщиков на дощаники, 60 плотников, двух пушкарей, семь кузнецов с инструментом, а также выдает жалование за 1726 г. (1723 руб. 62 коп.). Решился также вопрос о солдатах: вместо 54 было выделено лишь 39, т.к. по заявлению губернатора, «гарнизон содержится в неполном комплекте».

На исходе был апрель, но кроме четырех дощаников и семи лодок ничего не было получено.

5 мая Беринг написал в губернскую канцелярию документ: «Об отправлении нас от Тобольска, понеже – время отъезда нашего в путь».

Пять дней спустя он писал: «Понеже... на реке Ламе (в Охотске), от которой через море ход до Камчатки, имеетца токмо одно судно, и в том за худостию ходить не возможно, того ради прошу, дабы повелено было послать о строении двух судов... указы».

Только 12 мая получили деньги на прогоны и наем работных людей, а также материалы. Прибыло два новых члена экспедиции – комиссар Иван Дурасов (для ведения расходных документов) и иеромонах Трескин. Пытались включить в состав дьякона и пономаря, но Беринг отказался. 13 мая 1725 г. погрузив все необходимое на суда, переправились через Иртыш и стали на якоря.

14 мая поплыли вниз по Иртышу. При благоприятном ветре шли под парусами, а в остальное время – на веслах. Помогало течение реки, скорость которого, по определению Чирикова, превышала 2,5 версты в час. За сутки иногда проходили 40 – 50 верст, а иногда и больше. Нередко останавливались из-за плохой погоды. Не раз «шел снег и была великая стужа».

21 мая прибыли в Самаровский ям, расположенный вблизи устья Иртыша. Весь следующий день делали к судам рули, а 23 мая снова двинулись в путь. Отсюда Беринг отправил гардемарина Чаплина

на лодке с капралом Анашкиным и девятью солдатами вперед. Ему предписывалось плыть «с поспешением днем и ночью, как возможно, сколько время и ветры допустят, со всяким радением». Во всех крупных населенных пунктах он должен был вручать указы и оставлять по одному солдату, чтобы ускорить заготовку всего необходимого. Исполнив это, Чаплин обязан был ехать в Якутск, вручить там указы и стараться, чтобы как можно скорее были отправлены в Охотск люди «для строения судов, или, буде возможно, чтоб старое тамошное судно починить, чтоб без задержания нам переехать до Камчатки».

25 мая флотилия вошла в Обь; теперь плыли против течения. Приходилось прижиматься к берегу, идти бечевою или на шестах и часто сворачивать в боковые протоки, где слабее течение. Это позволяло порой спрямлять путь, укрываться от встречного ветра. Правда, идти бечевою на участках, где прибрежные заросли затоплены, было нелегко. Так, под 13 июня в журнале Чирикова записано: «Шел я на гребле, больше, понеже вода велика в реке, бечевою идти невозможно...». Интересна запись под 26 мая. Утром шли бечевою. В седьмом часу поднялся «великий ветер и мы стали у песка и стояли 40 склянок — 20 часов». Иногда много времени теряли на ожидание отставших. Так, 29 мая, пройдя деревню Пинкину, Чириков, ушедший далеко вперед, ждал остальных 13 часов.

30 мая прибыли в Сургут. Запись в журнале гласит: «Сургут на правом берегу реки не на большой горе, а около его лес». Здесь впервые простояли более суток, как писал Беринг губернатору, из-за того что «управитель Ягодин упрямством своим не хотел дать нам проводников. Посланное от меня требовательное письмо о проводниках взял и бросил о землю». Это показывает, как порой негостеприимно на местах встречали посланцев столицы, несмотря на царские и губернаторские указы.

Часто попадались встречные суда. Иногда движению мешали сильные дожди. Например, 6 июня Чириков пишет: «Пошел великий дождь и шел всю ночь. А мы стали к берегу и стояли 16 с половиной часов».

21 июня остановились в устье реки Старицы, в одной версте от города Нарыма. «При Нарыме смотрели чрез инструменты широту Оби реки, чрез которое нашлась широта ея 435 сажень».

Дальше плыли под парусами по реке Кеть. После 8 июля все чаще встречались мели, обозначенные затесанными деревьями на берегу. Река делалась все уже и мельче. Поэтому «срубили [сняли] мачты и шли все на шестах».

19 июля достигли Маковска. «А стоит поселение на правом берегу реки, на горе, и по левую сторону реки пошли низкие места, а на обеих сторонах реки Кеты, от самого устья, везде леса». От Нарыма рекою Кеть прошли 1094 версты.

Второй этап пути — по рекам Обской системы — закончился. Теперь, чтобы попасть на Енисей, предстояло преодолеть Маковский волок, ведущий к городу Енисейску. Здесь имел место еще более возмутительный случай, чем в Сургуте. Подшхипер Белый обратился к местному приказчику с просьбой дать людей, чтобы обмерить припасы и принять от экспедиции суда. Приказчик грубо отказал, «стал браниться и поносить капитана», а на следующий день хотел избить солдат, стоявших на карауле, «говорил, что все де вы мошенники и надо вас повесить». Беринг пожаловался, и дерзкий приказчик «повиновение принес» и был наказан.

Кончался июль, а экспедицию даже от Лены отделяло расстояние более тысячи верст. Потеряв терпение, Беринг 31 июля писал в Енисейскую контору: «Вижу, что будто нарочно остановка учинена, о чем я повинен к его сиятельству г. губернатору в Тобольск писать»¹.

Самым большим подвохом комиссара было то, что он нанял всех людей на суда лишь до устья реки Илим, а должен был нанять до города Илимска.

Важным пополнением экспедиции стал геодезист Федор Лужин, который «на Камчатке был и карту о ней делал».

В Енисейске моряки встретились с известным исследователем Сибири Д. Г. Мессершмидтом, возвращавшимся из путешествия. Он показал им собранные материалы и чертежи Камчатки. По приказу Беринга с некоторых чертежей были сняты копии.

12 августа все отряды покинули негостеприимно встретивший их город и поплыли вверх по Енисею. Пройдя от Енисейска 40 верст, вошли в Тунгуску

2 сентября Чириков делает в журнале запись: «Поутру мороз и иней», а через два дня: «Погода мрачная и был снег велик».

Пройдя 804 версты по Тунгуске, 11 сентября флотилия вошла в реку Илим. Река в длину имеет около 600 верст, судоходна только в низовье. До Илимска оставалось 150 верст. Все работники покинули экспедицию.

Когда из Илимска доставили 16 лодок, «материалы обносили за пороги людьми и, нагрузя, лошадьми тянули [лодки] до города

¹ ЦГАВМФ, ф.216, д.88. л.19./ Там же, с. 28.

Илимска».

26 сентября Беринг прибыл в Илимск. По описанию Чирикова, город стоит «между высокими горами, токмо отлогих некоторых. Везде лес, а город... на отлоге у самого берега реки. Жилья в городе и за городом дворов с 90». Зато здесь им повезло: земским комиссаром в городе служил Петр Иванович Татаринов, который с 1713 г. в течение нескольких лет был приказчиком Анадырского острога и Камчатки и очень хорошо знал тамошние условия. Он с большим пониманием и заботой отнесся к экспедиции.

Научными наблюдениями в экспедиции занимался, прежде всего, любознательный А. И. Чириков. Именно он 10 октября 1725 г. провел обстоятельное наблюдение затмения Луны. Из его журнала мы узнаем, что широту Илимска он определял в $56^{\circ}37'$, Началось затмение в 11ч.31м.1с. вечера, а «по Санкт-Петербургскому меридиану начало сего затмения (как являет календарь) 7ч.3м.13с. пополудни». Разность по долготе между Петербургом и Илимском $66^{\circ}57'$ (4 часа 27 минут 48 секунд). Далее Чириков указывает: «По правой Карте меркаторской румб Санкт-Петербурга к Илимску ост-ень-зюйд $5^{\circ}52'$ к осту, расстояние в италийских милях... 2121, а русскими верстами расстояние 3694... А по кратчайшему географическому расстоянию $33^{\circ}52'$, или... русских верст 3539. Угол положения от Санкт-Петербурга к Илимску $65^{\circ}24'$, т. е. ост-норд-ост $2^{\circ}6'$ к норду». В конце записи он отмечает: «Действа в сыскании часа при начале затмения чрез вышеозначенные усмотрения здесь предложить пристойно не мнится, того ради оставил оное в особом написании». Куда потом делось это «особое написание», неизвестно.

Кончался первый год путешествия, а впереди лежала добрая половина пути. Нужно было не только построить суда, но и продумать дальнейший маршрут — предстоял самый тяжелый участок пути — от Якутска до Охотска.

Желая использовать опыт других экспедиций, Беринг получил от Лужина и его бывших спутников описания их пути. Так появились «скаски» участников экспедиции 1719—1722 гг. На основе этих описаний и сведений, полученных от Татаринова, был составлен обстоятельный документ: «Расположение о пути, коим образом имеет исполнитца путь наш от Илимска до Камчатки». Документ этот был послан в Адмиралтейств-коллегию 30 ноября 1725 г. В нем описывается водный путь по Лене до Якутска, а далее до Охотска — мелководными реками и сушей, на вьючных лошадях. Грузов всего было до 10 тысяч пудов. Если в Охотске суда, о которых послан указ из Тобольска, готовы, то «на одном ехать до Большерец-

кого острогу и оттуды сухим путем с имеющимся с собою провиантом, или в остроге несколько оставя, иттить, как возможно, на реку Камчатку и, сыскав тамо годный лес и удобное место к строению ботов, строить».

Якутские власти должны были к приходу экспедиции купить или нанять 400 лошадей с седлами и приготовить 1000 кожаных сум.

Отправив в Петербург рапорт и соображения о дальнейшем пути, Беринг снова обращается к текущим делам. В декабре 1726 г. Беринг отправился в Иркутск, по его словам, «для совету с иркутским воеводою г. Измайловым, понеже он прежде сего воеводою был в Якуцку».

В Иркутске Беринг получил два рапорта Чаплина, который сообщил, что задолго до его прибытия в Якутск (5 сентября) оттуда на Охотское море для постройки судна были посланы плотники с припасами. Очень важным было известие Чаплина об опросе якутских жителей, бывавших на Охотском море. Они сообщили о мелководье рек Алдана, Май и Юдомы. Поэтому Беринг приказал Шпанбергу уменьшить размеры дощаников: «В длину 5 сажень, в глубину со всем грузом 12 вершков».

В марте по зимней дороге переправили из Илимска грузы и большинство людей в Усть-Кут.

Еще в Иркутске Берингу обещали доставить в Якутск все необходимое в феврале, но только 29 марта туда прибыли 17 плотников и два кузнеца, которые привезли смолу и другие материалы.

8 мая Беринг и Шпанберг на восьми дощаниках отправились вниз по Лене к Якутску. Чириков и с ним 64 человека остались в Усть-Куте. Они должны были дожидаться сообщения от сержанта Любимского из Илги об отправке оттуда в Усть-Кут муки. Вскоре стало известно, что мука заготовлена, но ее нельзя пока отправить из-за малой воды в реке.

1 июня, не дождавшись муки, отряд Чирикова на семи почти пустых дощаниках поплыл вниз по Лене. В журнале лейтенант отмечает: «Река Лена... во многих местах в ширину больше не разливается 60 сажень. Глубину в разных местах содержит больше 3 сажень».

6 июня Чириков записал, что «жители по реке Лена в разных местах сказывали, что мая 14 дня на вечер было великое трясение земли с час времени. На следующий день он заносит в журнал замечание о выветривании прибрежных гор: «На правом берегу реки простираютца чрез 15 верст в длину каменные горы наподобие кла-

деных столбов высотой сажень по 5, по 7 и выше. И признается, что в древние времена были целые горы и чрез многое время от дождей и ветров обвалились, понеже и ныне от ней каменья отваливаются...».

16 июня отряд пришел в Якутск. Оставался самый трудный отрезок пути. Собрав сведения, стали готовиться к походу. Нужны были люди, лошади, приспособления для вьючной перевозки грузов, продовольствие и материалы. В Якутске ничего не было заготовлено, хотя давно пришел губернаторский указ и 9 месяцев здесь находился Чаплин. Последний приложил много стараний, но почти ничего реального сделать не смог.

В мае из Иркутской конторы, которой подчинялся якутский воевода Полуэктов, пришел приказ: выдать Берингу заимообразно 4200 пудов муки, нанять 300 лошадей, изготовить кожаные сумы и т. д. Заканчивался приказ грозным предупреждением; «А ежели вышеписанного в скорости... не исправят и учинят в намеренном вашего благородия пути остановку и за то они, воевода и комиссар, штрафованы будут жестоко».

Беринг обрушил на якутского воеводу поток бумаг, содержащих просьбы, требования и угрозы. Первую партию лошадей он хотел получить к 20 июня, чтобы быстрее отправить мастеровых в Охотск, а последнюю — к 4 августа.

Все сроки оказались нереальными. «Наемных лошадей в Якуцку не сыскалось, — докладывает Беринг в коллегия, — а купить бы стало дорого, и збирают... лошадей с якутов».

Чтобы сломить неподатливость воеводы, решили попробовать еще одно средство: пригрозили отправиться в путь налегке, а все грузы оставить ему, и тогда он будет единственным ответчиком за провал экспедиции.

Угроза возымела действие: воевода прислал еще немного людей. Теперь насчитывалось 119 человек.

7 июля на 13 дощаниках к Охотску направился первый отряд из 205 человек во главе с лейтенантом Шпанбергом. В отряде было 83 члена экспедиции, 118 якутских работных людей и 3 проводника. На суда погрузили самые тяжелые и громоздкие предметы — пушки, якоря, железо, канаты, а также более 2700 пудов муки — всего 4200 пудов.

27 июля вышла в Охотск первая сухопутная партия во главе с ботовым учеником Федором Козловым

К экспедиции был приписан прибывший из Охотска матрос Андрей Буш, «знающей протчих морской путь до Большой реки».

С 6 по 13 августа один за другим выходили в путь отряды во главе с лекарем Буцковским, сержантом Любимским и плотничным десятником Вавиловым.

15 августа собрался в дорогу Антипин и два солдата, погнавшие 120 лошадей. Эта группа должна была ждать Беринга на реке Амге.

16 августа вышел из Якутска Беринг, с ним были Чаплин, писарь Турчанинов, шесть матросов и солдат, трое мастеровых, двое служилых и два тунгуса. Этот отряд отправился налегке, на 77 лошадях. У Беринга уже накопился немалый личный груз. Чаплин пишет в журнале, что в отряде Вавилова пошло «под капитанским багажом 35 лошадей».

До выхода в путь обнаружили, что заказы для экспедиции выполнены подрядчиками недобросовестно. Так, 380 сум оказались меньшего размера, суммы «деланы и куплены такою дорогою ценою, какою при Якуцке никогда не купливали». Фляги для уксуса сделаны негодными, и уксус пришлось оставить. Нередко поставляли плохих лошадей.

Из-за недостатка лошадей и сум не удалось отправить в Охотск еще 1500 пудов муки. Для того чтобы вывезти ее в будущем году, в Якутске пришлось оставить семь членов экспедиции во главе с Чириковым. Чирикову предписывалось отправиться в Охотск в марте 1727г. Лейтенант должен был также, если Шпанберг потребует, оказать ему помощь; способствовать тому, чтобы отправлены были 800 пудов муки с двух оставленных Шпанбергом судов, а в случае, если возникнут какие-нибудь препятствия, писать в Иркутск и в Адмиралтейств-коллегию.

В конце августа 1726 г. люди Чирикова сгрузили в амбары более 2500 пудов муки, доставленной из Верхоленска, а затем в Охотск с якутским служилым человеком отправили на лошадях 800 пудов муки (с двух судов, оставленных в Якутске Шпанбергом в июле 1726 г.). Правда, служилому пришлось зазимовать на реке Алдан, так как ему дали плохих лошадей, и на дороге после Беринга были «кормы конные вытравлены».

2 октября в Якутске выпал первый снег. В декабре стояли сильные морозы. 31 декабря Чириков записал; «Примрачно. Мороз жестокий. Воздух от морозу густ...» Краткие записи журнала заполнены данными о погоде.

С февраля Чириков начинает готовиться к походу в Охотск: покупает у местных жителей оленье кожи для потников, 31 быка, посылает в улус солдат, чтобы скорее собрать лошадей.

1 мая покинули Якутск. По льду перешли Лену. Затем двигались

по реке Тате.

9 мая подошли к реке Мге. Она вскрылась уже за три дня до того и сильно разлилась. Пока делали плоты, перевозили муку в береговых лодках. Потом на двух плотам размером 3х4 сажени переправили через реку всех лошадей и 16 быков (20 быков преодолели реку вплавь).

Для того чтобы не задерживаться на Алдане, Чириков отправил вперед квартирмейстера Борисова с якутским служилым, приказав им сделать там плоты. На речках Наха, Елгейя и Чепонца снова строили плоты, и даже мост.

23 мая отряд Чирикова прибыл на Алдан, к пункту, который и ныне называется Охотский перевоз. Здесь уже были почти готовы шесть плотов. За Алданом находилось 312 лошадей, предназначенных для перевозки продуктов в Охотск. 1 июня переправили на другой берег скот и продовольствие. Проявляя разумную осмотрительность, Чириков послал солдата обследовать дальнейший путь, а затем направил людей расчистить дорогу.

Наконец с 3 по 8 июня 1727 г. пятью группами (всего 97 человек) двинулись к Охотску. На 140 лошадях везли 1500 пудов муки. Только небольшая партия, гнавшая скот (39 быков, 10 коров, 2 свиньи), задержалась, чтобы перед дальней дорогой откормить животных.

Чем дальше, тем труднее было идти. В топких болотах лошади обрастали тяжелыми комьями грязи, приходилось часто останавливаться «для осушения и облегчения лошадям».

24 июня отряд Чирикова подошел к зимовью Юдомский Крест. В журнале Чирикова запись: «Широтою Юдома в 40 сажень, умеренной в здешнем месте быстроты. В малую воду есть через нее броды; а мы лошадей перегоняли вплавь; а провиант перевозили на плоту».

От Юдомы двинулись берегом речки Озерной и 29 июня достигли реки Урак. За 4 дня трижды переправлялись с одного берега на другой. 2 июля были у реки Охоты, а на следующий день — в Охотске.

Таким образом, Чириков быстро и успешно перешел из Якутска в Охотск. Если первые сухопутные отряды в июле только начинали отправляться из Якутска, то отряд Чирикова в первых числах того же месяца был уже в Охотске. Три основные группы его отряда потеряли всего 17 лошадей. Не было ни одного побега. Нужно думать, это свидетельствовало о хорошем отношении Чирикова к людям.

В конце июля в Охотск якутский служилый доставил 800 пудов

муки, последним прибыл туда солдат, пригнавший скот. Теперь здесь собрались все, кроме тех, кто находился на Горбее.

Лишившись двух тысяч пудов продовольствия, застрявшего на Горбейском зимовье, решили использовать местные пищевые ресурсы, прежде всего рыбу. Не упустили возможности заготовить и некоторое количество утиного мяса.

10 июля с Камчатки вернулось старое судно, ушедшее туда с двумя комиссарами еще в 1725 г. Беринг потребовал у них объяснения по поводу длительного отсутствия. Комиссары оправдывались тем, что судно было непригодно к обратному плаванию в 1726 г. В подтверждение они предъявляли копию со «скаски» одного из мореходов. Мореходами на судне были Никифор Треска (в 1716 г. открывший путь на Камчатку через Охотское море) и Иван Бутин. Беринг взял и от них письменные объяснения.

Никифор Треска писал: «В прошлом 725 году октября в 7 день пошли мы из Охотска в Камчадалские остроги... и не дошед до Большерецкого острогу верст 200 от великого ветра бросило судно валами на берег и несколько упругов от пришивки оторвало ... И в том месте зимовало. А прошлого 726 г. весною к оному судну я... ходил и починил, на котором пришел в Большерецкий июня в первых числах и комиссарам сказывал, что время иттить за море. Но оне, комиссары, в прошлом году не пошли... и многократно меня сажали в казенку и говорили мне, чтоб я подписал, что судно в ход за море негодно. И я не подписался».

Бутин к объяснению Трески добавил: «Когда сидел в казенке, в подписке, что судно негодно в ход, я не подписался. И оне, комиссары, призвав меня, Ивана, к себе и напоив пьяна, написали подложную скаску и велели вместо меня и руку приложить. Токмо я скаски не давал и руки прикладывать вместо себя никому не веливал».

На Камчатке от представителей местной власти особенно сильно страдало коренное население. Комиссары давали здесь полную волю своим «аппетитам». Им, оказывается, не хватало целого года для того, чтобы «погреть руки» на сборе ясака.

Чтобы перевезти оставшиеся грузы, кроме «Фортуны», решили использовать и старое судно. Но прежде нужно было его капитально отремонтировать: вытащить на берег, заменить часть деревянной обшивки, проконопатить и просмолить.

5 августа судно спустили на воду и на плаву закончили работы. А через пять дней вернулась с Камчатки «Фортуна» за новым грузом.

14 августа Беринг потребовал от лейтенантов представить свое мнение по следующим вопросам:

1. Идти ли до Большерецка на обоих судах или одно оставить в Охотске, чтобы дождалось людей с Горбеи?

2. Если их не ждать, на сколько времени оставить им денежное и продовольственное содержание и из какого расчета выдавать провиант?

3. Всех ли служителей и плотников, посланных на Горбею, взять с собой на Камчатку или некоторых отпустить?

4. Оставить ли при Охотске до своего возвращения некоторое количество скота?

В ответах на эти вопросы все три офицера были единодушны, в результате приняли следующее решение:

1. Поскольку провианта и материалов достаточно, чтобы загрузить оба судна, «надлежит иттить на обоих судах и отправитца отсюда с поспешением и, пришед к Большой реке, одно судно возвратить при первом способном ветре».

2. На тот случай, если противные ветры помешают послать это судно или служители с Горбеи придут поздно, когда уже будет невозможно плыть на Камчатку, оставить им денежное жалованье на полгода и муки на 10 месяцев, по одному пуду на человека в месяц, а также пустить на пищу одного быка и все потроха от скотины, забитой на мясо.

3. Всех мастеровых отпустить по домам, выдав им паспорта.

4. 6-7 быков отдать живыми местным жителям, чтобы получить их при возвращении, «а ежели скота иметь не будут, чтобы отдать по 2 хороших оленя за каждую скотину». Подписи: Беринг, Шпанберг, Чириков.

В Охотске вручили больному Ендогурову инструкцию и 200 рублей денег на жалованье. Вместе с ним здесь оставались матрос и пятеро солдат. Они должны были забить 60-голов скота, сложить мясо в амбары, пересыпать снегом, потом посолить, наварив для этого соли.

18 августа закончили погрузку обоих судов. В трюмы старого судна поместилось 1095 пудов, нового — 987. Кроме того, на каждое из судов погрузили по 35 пудов железа и по 16 десятиведерных бочек с водой.

Все было готово к выходу в море. Беринг и Шпанберг облюбовали более надежную «Фортуну», Чирикову с Чаплиным, иеромонахом, 15 матросами и солдатами, а также четырьмя мореходами приказано было плыть на старом судне.

Настроение у всех было хорошее. Наконец-то, после почти трехлетних мытарств на суше можно поднять паруса, чтобы наполнились они свежим морским ветром. Все получили продовольствие на сентябрь, напекли в дорогу хлеба, засушили сухарей. Особенно довольны были мореходы: им выдали жалованье за прошлое время и за 1727 г.

Перед выходом в море Беринг отправил с попутчиком последний из Охотска рапорт и карту пути экспедиции от Тобольска до Охотска. В рапорте он перечислял участников экспедиции и указал место их нахождения. Всего их было 85 человек: 35 — на двух судах, 21 — на Камчатке, 7 — в Охотске, 17 — на Горбее, 1 (больной) — в Якутске, 4 — на пути в Петербург. В этом рапорте есть место, которое вызывает недоумение. Беринг пишет: «Намерен иттить обеими судами кругом носу к устью реки Камчатки». Эти слова его опровергает Чириков, записав в журнале: «А мне приказано итти на старом судне в путь наш... к устью Большерецка».

Во время Первой Камчатской экспедиции лейтенант Чириков был помощником начальника экспедиции, но он был больше, чем официальный руководитель. Правильнее сказать, что превосходство Чирикова состояло в том, что он был ученым, и его роль в научных работах экспедиции трудно переоценить. Что касается проведения экспедиции в целом, то заслуги Витуса Беринга, несмотря на ошибки и промахи, были, конечно, значительнее — он был ответствен за все и за всех.

В течение нескольких лет Чириков преподавал в самом высшем учебном заведении во флоте — в Морской академии — и подготовил много офицеров. Его деятельность на научно-педагогическом поприще получила высокую оценку.

Во время прохождения пути от Санкт-Петербурга до Охотска Чириков не только оставил подробный отчет, но он так же составил подробную карту отрезка пути от Тобольска до Охотска. На ней показаны градусная сетка, реки, по которым двигались путешественники, а также основные притоки их и прилегающие горы. Составителем этой карты принято считать Петра Чаплина. В пользу такой традиции не приводится никаких доказательств, кроме того, что на карте есть его подпись. Но он был лучшим рисовальщиком в экспедиции, и подпись его свидетельствует лишь о том, что он рисовал данный экземпляр и отвечал за точность копии. Подписи же действительных составителей были на подлинниках, которые бесследно исчезли. Однако Чаплин не мог быть составителем данной карты, ибо в инструкции, полученной им, когда его из Тобольска

послали впереди экспедиции, не упоминалось о ведении съемок или журнала, как делалось в аналогичных случаях, и он не получил необходимых инструментов. О том, что карту пути от Тобольска до Охотска составил Чириков, свидетельствует следующая деталь: Чаплин в журнале неоднократно называет один из притоков Алдана «Амга», а Чириков именуется его в своем журнале «Мга» и точно так же эта река названа на карте. Косвенным подтверждением такого вывода является тот факт, что Беринг и Чаплин за 9 месяцев пребывания в Охотске, несколько раз отправляя в коллегия рапорты, не посылали карту пути. Стоило приехать в Охотск Чирикову, как вскоре такую карту отправили в столицу.

Экземпляр этой карты в конце 1728 г. попал к президенту Академии наук Блюментросту, передавшему ее на отзыв Делилю.